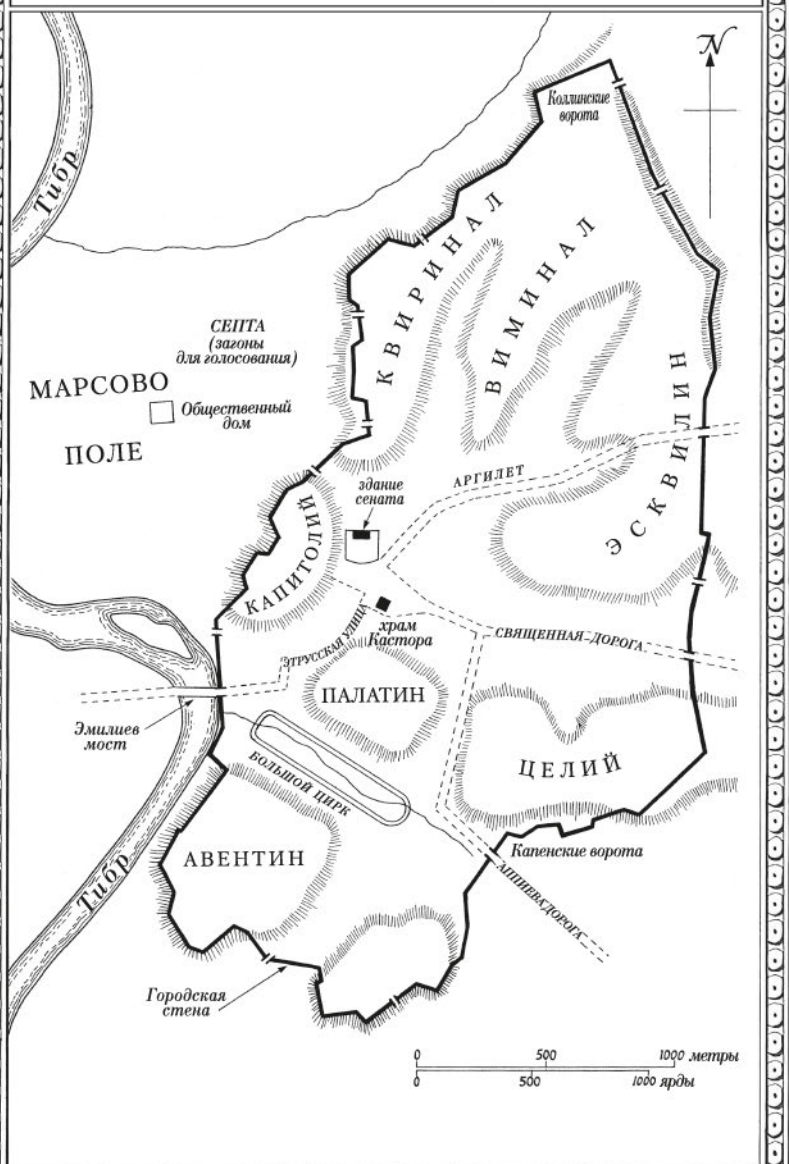

Империй

РИМ В РЕСПУБЛИКАНСКУЮ ЭПОХУ

ТИРОН, Марк Туллий — образованный вольноотпущенник и друг Цицерона. Он был не только личным секретарем и помощником оратора в его литературных трудах, но и сам являлся автором литературных и энциклопедических трудов, изобретателем скорописи — системы стенографических знаков, позволявшей полностью и без ошибок записывать слова оратора, как бы быстро они ни произносились. После смерти Цицерона Тирон купил имение неподалеку от Путеол, удалился от дел и жил там до тех пор, пока, по свидетельству Иеронима, ему не исполнилось сто лет. Квинт Асконий Педиан ссылается на четвертую книгу жизнеописания Цицерона, принадлежащего перу Тирона.

*Словарь греческих и римских жизнеописаний и мифов. Том III.
Издание Уильяма Смита, Лондон, 1851 г.*

ОТ АВТОРА

За несколько лет до нашей эры Тирон, бывший письмоводитель римского оратора и государственного деятеля Цицерона, составил его жизнеописание.

И существование Тирона, и факт написания им этой книги подтверждаются различными источниками. «Твои услуги по отношению ко мне неисчислимы: в домашней жизни, в суде, в Риме, в провинции, в частной, в общественной жизни, в моих занятиях и сочинениях»¹, — писал ему Цицерон. Тирон, родившийся в семье рабов, был тремя годами моложе своего хозяина, но намного пережил его и, если верить святому Иерониму, скончался в столетнем возрасте. Тирон первым начал дословно записывать речи сенаторов, а его система скорописи — *Notae Tironianae* — использовалась церковью еще в VI веке. Некоторые ее составляющие (символ &, сокращения etc., NB, i. e., e. g.) дожили до нашего времени. Тирон был также автором нескольких трактатов по истории латинского языка. Историк I века Асконий Педиан в своих комментариях к речам Цицерона упоминает в качестве источника его многотомное жизнеописание Цицерона; Плутарх ссылается на Тирона дважды. Но все труды Тирона, включая этот, погибли во время крушения Римской империи.

Периодически исследователи задаются вопросом о том, как мог выглядеть этот труд. В 1985 году Элизабет Роусон из оксфордского колледжа Корпус-Кристи предположила, что Тирон, вероятно, следовал эллинистической традиции создания биографий — его произведение было «незатейливым, лишенным риторических украшений; он мог цитировать документы, но охотнее помещал высказывания своего героя, мог приводить слухи и необоснованные утверждения... Ему нравилось повествовать о странностях героя... Это жизнеописание было рассчитано не на государственных деятелей и военачальников, а на тех, кого римляне звали *curiosi*, любопытствующими». Именно в этом духе я начал воссоздавать утраченный труд Тирона.

¹ Перев. В. Горенштейна.

РОБЕРТ ХАРРИС

Это роман, а не исследование, и там, где художественность вступала в противоречие с исторической строгостью, я без колебаний отдавал предпочтение первой. Тем не менее я старался, насколько возможно, придерживаться фактов и вставлять подлинные слова Цицерона, дошедшие до нас во многом благодаря Тиرونу. Для удобства читателей в конце помещены глоссарий политических терминов и список действующих лиц.

Роберт Харрис

Часть первая

СЕНАТОР

79–70 гг. до н. э.

Urbem, urbem, mi Rufe, cole et inista luce viva!

В Риме, в Риме оставайся, мой Руф, и живи
в этом городе света¹.

*Из письма Цицерона Марку Целию Руфу.
26 июня 50 г. до н. э.*

I

Мое имя — Тирон. Целых тридцать шесть лет я был личным письмоводителем Цицерона, одного из самых выдающихся государственных деятелей Рима. Сначала эта работа казалась мне увлекательной, потом — удивительной, затем — трудной и, наконец, стала крайне опасной. За эти годы он провел со мной больше времени, чем с женой и домочадцами. Я присутствовал на его частных встречах и передавал его тайные сообщения. Я записывал его речи, письма и литературные сочинения — даже стихи. Это был поистине нескончаемый поток слов. Чтобы не упустить ни одного из них, мне даже пришлось придумать способ, который сейчас используют для записи выступлений в сенате. За это изобретение мне пожаловали скромное вознаграждение. Оно, а также небольшое наследство и доброта старых друзей помогают мне существовать с тех пор, как я ушел на покой. Старикам ведь много не нужно, а я очень стар. Мне уже почти сто лет, — по крайней мере, так говорят люди.

На протяжении десятилетий, минувших со дня смерти Цицерона, меня часто спрашивали — преимущественно шепотом, — каким он был на самом деле, но каждый раз я хранил молчание. Откуда мне знать, может, это были подсланные правительством соглашения! Каждый миг я ожидал смертельного удара из-за угла. Но теперь, когда мой жизненный путь подходит к концу, я уже не боюсь никого и ничего, даже пытки. Оказавшись в руках палача или его помощников, я не проживу и нескольких секунд. Вот почему я решил написать этот труд и ответить в нем на все вопросы о Цицероне, которые мне задавали. Я буду основываться на собственных воспоминаниях

¹ Перев. В. Горенштейна.

и на письменных свидетельствах, вверенных моему попечению. Поскольку времени мне отпущено очень мало, я намерен работать над этой книгой с помощью своего способа быстрой записи. Для этой цели я уже давно запасаюсь несколькими десятками свитков лучшего папируса.

Я заранее прошу у моих читателей прощения за возможные ошибки и погрешности в стиле. Я также возношу молитвы богам, чтобы моя работа закончилась раньше, чем кончится моя жизнь. Последними словами Цицерона, обращенными ко мне, была просьба рассказать о нем всю правду, и именно это я собираюсь сделать. Если на страницах этой книги он далеко не всегда будет выглядеть образцом добродетели, что ж, так тому и быть. Власть одаривает человека многим, но честность и порядочность редко входят в число ее даров.

А писать я намерен именно о власти и человеке. Я имею в виду ту власть, которая в латинском языке называется словом «империй»¹. Многие сотни людей стремились к ней, но Цицерон — единственный в истории республики, кто добился ее лишь с помощью своих талантов, не прибегая к другим средствам. В отличие от Метелла и Гортензия, он не происходил из знатной семьи, чье влияние на государственные дела, накопленное за много поколений, сказывалось бы во время выборов. В отличие от Помпея или Цезаря, он не возглавлял войско, способное мечом доставить ему власть; он не владел, наподобие Красса, огромными богатствами, которые помогли бы купить эту власть при помощи золота. У Цицерона был только голос, и он невероятными усилиями превратил этот голос в могучее оружие.

Мне было двадцать четыре года, когда я начал служить Цицерону, ему — двадцать семь. Я был рабом, рожденным в их семейном поместье на холмах близ Арпина, и никогда не видел Рима, он — молодым адвокатом, страдавшим от частых перемен настроения и пытавшимся побороть врожденные телесные недостатки. Немногие осмелились бы сделать ставку на то, что он выйдет победителем в ожидавшей его борьбе.

¹ Во времена Римской республики империй означал полноту власти высших магистратов (консула, претора, проконсула, пропретора), а в пределах померия (сакральная городская черта Рима) также и обладание правом интерцессии (наложение запрета) коллегии народных трибунов и правом провокации (апелляция римского гражданина к центуриатным комициям). Империй складывался из права ауспий (птицегадания), набора войска и командования им, созыва комиций, принуждения и наказания. Различался *imperium domi* (в пределах померия) и *imperium militiae* (вне померия — в Италии, провинциях и за рубежом). Лицо, облеченное империем, не имело права входить в пределы померия. Здесь «империй» обычно означает «верховная власть», «командование».

Голос Цицерона в то время еще не стал тем знаменитым орудием, как впоследствии. Он был резким, а иногда от волнения Цицерон даже начинал заикаться. Думаю, в голове у него вертелось слишком много слов, они стремились вырваться наружу и превращались в комок, застревавший в горле. Так бывает, когда несколько овец, подпираемые сзади отарой, пытаются протиснуться в узкие ворота, толкают друг друга, спотыкаются и падают. Как бы то ни было, зачастую речь Цицерона становилась настолько неразборчивой, что слушатели не могли уловить ее суть. Его нередко называли «грамматеем» или «греком», причем далеко не в лестном смысле. Его ораторский талант никто не ставил под сомнение, однако этого было недостаточно для удовлетворения честолюбия Цицерона. Будучи судебным защитником, он выступал с речами по несколько часов в день, часто на открытом воздухе, в любую погоду, и это давало о себе знать. Голосовые связки работали на пределе, и подчас его голос в течение недели после этого либо дребезжал, либо пропадал вовсе. Постоянная бессонница и недоедание тоже, разумеется, не шли на пользу. Короче говоря, стать видным государственным мужем, чего он страстно желал, Цицерон мог только с помощью знающего человека. Поэтому он решил на время покинуть Рим и пуститься в странствия, чтобы развеять туман в голове, а заодно поучиться у признанных мастеров риторики, которые жили преимущественно в Греции и Малой Азии.

Я поддерживал в порядке небольшую библиотеку его отца и, кроме того, неплохо владел греческим языком, так что Цицерон попросил отца одолжить меня на время (как люди одалживают друг у друга книги), чтобы взять с собой на Восток. В мои обязанности входило договариваться о встречах, устраивать переезды из города в город, платить учителям и так далее. Через год я должен был вернуться к прежнему хозяину. Как это нередко случается с полезными вещами, меня так и не вернули обратно.

Мы встретились в гавани Брундизия в день, на который было назначено отплытие. Дело было в консульство Сервилия Ватия и Аппия Клавдия Пульхра, спустя 675 лет после основания Рима. Цицерон тогда еще ничем не напоминал ту важную особу, в которую превратился позже, — человека, который не может пройти по улице неузнанным. Сейчас, на склоне лет, я часто задумываюсь: что произошло с тысячами бюстов и портретов моего хозяина, которые украшали едва ли не все частные дома и общественные учреждения Рима? Неужели все они разбиты и сожжены?

Молодой человек, поджидавший меня на пристани в то весеннее утро, был худым и сутулым, с неестественно длинной шеей. Большое, с детский кулак, адамово яблоко ходило вверх-вниз, когда он гла-

тывал. Глаза навывкате, нездоровая желтоватая кожа, впалые щеки — все говорило о скверном здоровье. Помнится, я тогда подумал: «Ну, Тирон, постарайся получить от этого путешествия как можно больше, да торопись, ведь оно продлится недолго».

Первым делом мы отправились в Афины: Цицерон намеревался поучиться у философов прославленной Академии. Я донес его поклажу до помещения для занятий, повернулся и вознамерился было уйти, как вдруг он окликнул меня и спросил, куда это я собрался.

— Хочу посидеть в тени вместе с другими рабами, — ответил я. — Если, конечно, у тебя нет других поручений.

— Конечно есть, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты проделал для меня работу, требующую немалых усилий.

— Что же я должен делать, господин? — спросил я.

— Пойдешь со мной, сядешь рядом и будешь слушать. Я хочу, чтобы ты имел хоть какое-то представление о философии. Тогда во время наших долгих путешествий я смогу поговорить с тобой о том, что мне любопытно.

Я последовал за Цицероном и удостоился чести внимать самому Антиоху из Аскалона, знаменитому греческому философу, рассказывавшему о трех основаниях стоицизма. Антиох утверждал, что добродетели довольно для счастья, что добродетель — это единственное благо и что чувствам нельзя доверять. Три простых правила, и если каждый будет следовать им — все беды мира исчезнут. Впоследствии мы с Цицероном часто обсуждали такого рода вопросы и, оказываясь в этих чертогах познаний, совершенно забывали о разнице в нашем положении. Мы слушали лекции Антиоха на протяжении трех месяцев, а потом направились туда, где находилась главная цель нашего путешествия.

В те времена главенствовала так называемая азиатская школа риторики. Напыщенная и вычурная, полная высокопарных оборотов и звонких рифм, речь должна была непременно сопровождаться оживленной жестикуляцией, а оратору следовало постоянно находиться в движении. В Риме ярчайшим представителем этой школы был Квинт Гортензий Гортал, считавшийся лучшим оратором того времени. Произнося свои речи, он неистово размахивал руками, а ногами выписывал столь затейливые кренделя, что получил прозвище Плясун. Цицерон очень внимательно присматривался ко всем фокусам Гортензия и в итоге решил обратиться за помощью к его наставникам: Ксеноклу из Адрамиттия, Дионисию Магнесийскому, карийцу Мениппу и даже к самому Эсхилу. Чего стоят одни только имена! С каждым из этих выдающихся людей Цицерон провел по несколько недель, терпеливо постигая их искусство, пока наконец не решил, что выученного достаточно.

— Тирон, — обратился он ко мне однажды вечером, когда я поставил перед ним блюдо с обычной едой — вареными овощами, — я уже сыт по горло общением с этими самовлюбленными зазнайками, от которых разит благовониями. Мы найдем судно, которое отвезет нас на Родос. Теперь мы попробуем действовать иначе и запишемся в школу Аполлония Молона.

И вот весенним утром, сразу после рассвета, когда поверхность пролива Карпатос была гладкой и молочно-белой, словно жемчужина (да простят меня за цветистость речи: я прочитал слишком много греческих стихов и время от времени невольно становлюсь высокопарным), гребное судно доставило нас с материка на древний холмистый остров. На пристани стоял невысокий коренастый мужчина. Это и был Аполлоний Молон.

Родом из Алабанды, Молон раньше был адвокатом, блистательно выступавшим в судах Рима. Как-то раз его даже пригласили выступить в сенате на греческом языке — неслыханная честь! — после чего он удалился на Родос и открыл там собственную школу риторики. Его ораторское искусство являло собой прямую противоположность азиатской и было при этом очень простым: не нужно лишних движений, держи голову прямо, говори по сути дела, умей заставить слушателей плакать и смеяться, а после того как завоеешь их симпатию, умолкни и быстро сядь на место. «Ибо ничто, — говорил Молон, — не высыхает быстрее, чем слеза». Эта теория пришлась Цицерону по душе, и он полностью поверил себя заботам Аполлония Молона.

Первым делом Молон заставил Цицерона съесть целую корзину сваренных вкрутую яиц с соусом из анчоусов. Когда Цицерон — не без жалоб, признаюсь вам, — покончил с яйцами, ему принесли огромный кусок зажаренного на углях мяса и большую чашку козьего молока.

— Ты должен как следует питаться, молодой человек, — проговорил Молон, похлопав себя по гулкой, словно бочка, груди. — Из тонкой дудочки не извлечь громких звуков.

Цицерон сердито посмотрел на наставника, но все же покорно принялся жевать и остановился, лишь когда тарелка оказалась пустой. После этого он впервые не проснулся за ночь. Я знаю это потому, что спал на полу, под дверью его комнаты.

Рано утром настал черед телесных упражнений.

— Выступать на форуме, — объяснял Молон, — все равно что соревноваться в беге. Это занятие требует силы и выносливости.

Он сделал ложный выпад в сторону Цицерона. Тот охнул, отшатнулся назад и едва не упал. Тогда Молон заставил его встать, широ-

ко расставив ноги, и делать наклоны — двадцать раз, не сгибая коленей и дотягиваясь пальцами до земли. После того как упражнение было выполнено, учитель заставил Цицерона лечь на спину, завести руки за голову и, не помогая себе ногами, поднимать туловище и садиться. Затем Молон заставил ученика лечь лицом вниз и отжиматься на руках.

Таким был первый день, и с каждым следующим нагрузка возрастала: упражнений становилось все больше, время занятий также увеличивалось. Во вторую ночь Цицерон снова спал как сурок.

Для занятий декламацией Молон выводил своего ретивого ученика с тенистого двора на солнцепек и заставлял его читать наизусть заданные отрывки — чаще всего выдержки из записей судебных заседаний или монологи из трагедий. Все это время они гуляли по крутому склону холма, и единственными их слушателями были ящерицы, сновавшие под ногами, да цикады в ветвях оливковых деревьев. Цицерон разработал легкие и научился произносить длинные реплики на одном дыхании.

— Держись средней высоты, — поучал его Молон. — Именно в ней — сила. Не надо забирать высоко или понижать голос.

После обеда наступал черед речей. Молон вел ученика на галечный пляж, отходил на восемьдесят размашистых шагов — самое большое расстояние, на котором слышен человеческий голос, — и заставлял декламировать под свист ветра и шум прибоя. Только с этим, говорил он, можно сравнить гул трех тысяч человек, собравшихся на открытом пространстве, или бормотание нескольких сотен сенаторов. Цицерон должен привыкнуть и не отвлекаться на подобные раздражители.

— А как же содержание моих речей? — спросил учителя Цицерон. — Ведь я должен привлечь слушателей именно силой своих доводов?

Молон лишь передернул плечами:

— Содержание меня не волнует. Вспомни Демосфена: «Лишь три вещи имеют значение для оратора: исполнение речи, исполнение и еще раз исполнение».

— А мое заикание?

— Т-твое з-з-заикание меня тоже не в-волнует, — с ухмылкой ответил Молон и подмигнул. — А если серьезно, заикание вызывает любопытство и создает впечатление, что ты — честный человек. Демосфен тоже немного шепелявил. Слушатели безошибочно распознают оратора по этим незначительным изъянам речи, а совершенство выглядит скучным. Теперь отойди подальше и постарайся говорить так, чтобы я тебя слышал.

Таким образом, вышло так, что я с самого начала имел редкую возможность наблюдать, как один мастер передает секреты своего мастерства другому.

— Ты не должен так женственно сгибать шею, не должен играть с собственными пальцами. Не шевели плечами. Если хочешь сделать пальцами какой-нибудь жест, прислони средний палец к большому, а три остальных вытяни. Это выглядит достойно и красиво. Глаза, разумеется, устремлены на эту же руку, кроме тех случаев, когда ты высказываешь отрицание. Например: «О боги, отведите эту напасть!» Или: «О нет, я не заслуживаю подобной чести!»

Записывать тезисы не позволялось, ибо ни один уважающий себя оратор не станет зачитывать речь или даже сверяться со своими пометками. Молон отдавал предпочтение общепотребительному способу запоминания речи: ее сравнивали с воображаемым путешествием по дому оратора.

— Расположи первую мысль, которую ты хочешь довести до аудитории, рядом со входом и представь себе ее лежащей там. Вторую положи в атриуме, и так далее. Представь себе, что ты прогуливаешься по дому, как ты делаешь это обычно, и раскладываешь свои мысли не только по комнатам, но и в каждом алькове, возле каждой статуи. Представь себе, что каждое место, куда ты положил ту или иную мысль, хорошо освещено, что все они отчетливо видны. Иначе ты будешь блуждать в своей речи, как пьяный, который вернулся домой после попойки и не может отыскать собственное ложе.

В том году — весной и летом — Цицерон был не единственным учеником в школе Молона. Через некоторое время к нам присоединились младший брат Цицерона — Квинт, двоюродный брат — Луций и двое друзей: Сервий, шумный защитник в судах, мечтавший стать судьей, и Аттик. Щеголеватый, обаятельный Аттик был равнодушен к ораторскому искусству, поскольку жил в Афинах и определенно не стремился стать государственным деятелем, но любил проводить время с Цицероном. Увидев Цицерона, все были поражены переменами в его здоровье и внешнем виде. Теперь же, в последний день своего пребывания на Родосе накануне возвращения в Рим — уже наступила осень, — они собрались вместе, чтобы Цицерон продемонстрировал свои успехи в ораторском мастерстве, которых он достиг под руководством Молона.

Хотелось бы мне вспомнить, о чем говорил Цицерон в тот вечер после ужина. Но боюсь, я — ходячее подтверждение циничного изречения Демосфена: содержание — ничто, исполнение — все. Я стоял незаметно, укрывшись в тени; все, что мне запомнилось, это мошки, вьющиеся вокруг факелов на внутреннем дворе, звезды, рассы-

павшиеся по бездонному ночному небу, и потрясенные, застывшие в восхищении лица молодых людей, освещенные пламенем костра и повернутые в сторону Цицерона. Но я запомнил слова Молона, прозвучавшие, когда его ученик, склонив голову перед воображаемым судом, опустился на свое место. После долгого молчания Молон поднялся и хрипло проговорил:

— Тебя, Цицерон, я хвалю и твоим искусством восхищаюсь, но мне больно за Грецию при виде того, как единственные наши преимущества — образованность и красноречие — по твоей вине тоже уходят к римлянам. Возвращайся, — добавил он и сделал свой излюбленный жест, протянув три пальца в сторону далекого темного моря. — Возвращайся, мой мальчик, и покоряй Рим.

«Покоряй Рим»... Легко сказать! Но как это сделать, если из оружия у тебя имеется только собственный голос?

Первый шаг очевиден: надо стать сенатором.

В то время войти в состав сената мог лишь человек не младше тридцати одного года, обладающий к тому же миллионным состоянием. Точнее, миллион сестерциев необходимо было предъявить властям только для того, чтобы стать кандидатом на ежегодных июльских выборах, когда избирались двадцать новых сенаторов вместо тех, которые умерли в течение предыдущего года или обеднели до такой степени, что уже не могли сохранять свои места. Но откуда Цицерону взять миллион? У его отца таких денег определенно не было, семейное имение было маленьким и перезаложенным. Значит, в его распоряжении оставались три обычных способа. На то, чтобы заработать деньги, ушло бы слишком много времени, красть было рискованно, поэтому Цицерон избрал третий способ. Вскоре после нашего возвращения с Родоса он женился на деньгах.

Семнадцатилетняя Теренция была плоскогрудой, сложенной по-мальчишески; голову ее венчала густая шапка черных вьющихся волос. Единоутробная сестра Теренции была весталкой, что подтверждало высокое положение семьи. Что еще более важно, ей принадлежали несколько кварталов в простонародном районе Рима, лес в его окрестностях и поместье. Все вместе стоило миллион с четвертью.

Ах, Теренция, простая, но в то же время величественная и богатая! Истинное совершенство! В последний раз я видел эту женщину всего несколько месяцев назад: ее несли на открытых носилках по прибрежной дороге, ведущей к Неаполю, а она покрикивала на носильщиков, требуя, чтобы те пошевеливались. Седовласая, смуглокожая, а в остальном — почти не изменившаяся.

Итак, Цицерон надлежащим образом был избран в сенат, опередив по числу набранных голосов всех своих соперников. К этому времени он уже считался одним из лучших адвокатов Рима, уступая пальму первенства только Гортензию. Однако, прежде чем занять место в сенате, Цицерон обязан был посвятить один год государственной службе и получил назначение в провинцию Сицилия. Он занимал скромную должность квестора, младшего из магистратов. Поскольку женам не дозволялось сопровождать мужей в длительных служебных поездках, Теренция — я уверен, к величайшему облегчению Цицерона, — была вынуждена остаться дома.

Однако меня он взял с собой: к тому времени я превратился в своего рода продолжение Цицерона, и он использовал меня не задумываясь, как дополнительную руку или ногу. Отчасти я стал незаменим потому, что придумал способ записывать его слова так же быстро, как он произносил их. Отдельные значки, обозначающие те или иные слова или словосочетания, со временем заполнили собой целую книгу — их насчитывалось около четырех тысяч. Я, например, заметил, что Цицерон любит повторять некоторые обороты, и научился обозначать их всего несколькими линиями или даже точками, доказав тем самым, что государственные мужи повторяют одно и то же по многу раз. Он диктовал мне, когда сидел в ванне, ехал в качающейся повозке, возлежал за столом, прогуливался за городом. Он никогда не испытывал недостатка в словах, а я — в значках для того, чтобы записать их и сохранить для вечности. Мы были словно созданы друг для друга.

Вернемся к Сицилии. Не пугайся, читатель, я не стану подробно описывать нашу работу там. Как и любые другие государственные дела, она была отчаянно скучной еще в те времена и уж тем более не заслуживает того, чтобы разглагольствовать о ней по прошествии шести десятилетий. А вот что действительно важно и заслуживает упоминания, так это наше возвращение домой. Цицерон намеренно перенес его с марта на апрель, чтобы проехать через Путеолы во время сенатских каникул, когда виднейшие сенаторы и магистраты будут пребывать на побережье Неаполитанского залива и наслаждаться купанием в минеральных источниках. Мне было велено нанять лучшую двенадцативесельную лодку, чтобы мой хозяин торжественно появился на ней в заливе, впервые облачившись в тогу сенатора Римской республики — белоснежную, с пурпурной полосой.

Поскольку мой хозяин убедил себя в том, что на Сицилии он добился грандиозного успеха, он надеялся, вернувшись в Рим, вызвать к себе всеобщее внимание. На сотнях тесных рыночных площадей, под тысячами сицилийских платанов, увешанных осинными гнезда-

СОДЕРЖАНИЕ

ИМПЕРИЙ

Перевод А. Новикова, Ю. Кирилльченко

От автора	9
Часть первая. СЕНАТОР. 79–70 гг. до н. э.	11
Часть вторая. ПРЕТОР. 68–64 гг. до н. э.	160
От автора	304

ЛЮСТРУМ

Перевод А. Петухова

Часть первая. КОНСУЛ. 63 г. до н. э.	309
Часть вторая. PATER PATRIAE. 62–58 гг. до н. э.	483

ДИКТАТОР

Перевод А. Овчинниковой

Часть первая. ИЗГНАНИЕ. 58–47 гг. до н. э.	627
Часть вторая. ВОЗВРАЩЕНИЕ. 47–43 гг. до н. э.	808
Действующие лица	948
Глоссарий	952
Благодарности	955